

ФИЛОСОФИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

DOI: 10.17805/zpu.2020.1.2

Вспоминая прошлое и думая о будущем

В. Г. ФЕДОТОВА

Институт философии РАН

В статье рассмотрены несколько концепций будущего, выстроенных хронологически и обретающих в связи с этим новые черты преемственности или разрыва с прошлым. Обсуждены меняющиеся тенденции видения будущего в конце XX в. и в начале XXI в. для понимания сегодняшних процессов. Обсуждены некоторые западные и российские научные прогнозы будущего, будущее в концепциях хорошего общества, новые мегатренды будущего.

Статья также посвящена некоторым аспектам методологии прогнозирования. Автор приходит к выводу, что вариантов будущего много, и они не одинаковы для разных обществ и социальных групп. На будущее предпочтительно сегодня смотреть во множественном числе, как на присущее миру разнообразие. Будущие события многообразны, дискурсивны, чаще всего непредвидимы, непредставимы, неузнаваемы. Единственное, что мы можем определенно сказать о будущем, это не предсказать его, а подумать, какого будущего мы хотим.

По мнению автора, при всем многообразии подходов к изучению будущего в качестве самых новых и работающих можно выделить два: мегатренды и история будущего. Наш прогноз состоит в том, что история будущего превратится в истории будущего из-за многообразия культур и альтернативных сценариев и из-за многообразия мегатрендов, которые будут по-разному преломляться в различных регионах.

Ключевые слова: будущее; настоящее; прошлое; Россия; США; хорошее общество; мегатренд; история будущего

ВВЕДЕНИЕ

Не контролируя настоящее, нельзя планировать будущее и осознавать свое прошлое. Размышление о будущем необходимо не только для того, чтобы прогнозировать или ожидать его положительные черты, но и предвидеть грядущие трудности. Интегральный образ времени включает прошлое, настоящее, будущее. Эта триада всегда современна. Будущее зависит от людей и формируется в желательных или нежелательных сценариях. Надежды на справедливое будущее во многом связывались со становлением единства человечества, которое достигается, по мнению многих исследователей, капитализмом, модернизацией и глобализацией. Но интерес к сценариям развития во многом блокировался неопределенностью в выборе проектов развития. В отношении России и других стран обозначались различные пути в прошлом, настоящем и будущем и сохранялась надежда, что все может быть изменено к лучшему.

В данной статье мы приведем ряд прогнозов будущего известных западных ученых, книги которых часто не переведены или иногда запоздало переведены на русский язык. Сделаем некоторые выводы из их анализа, хронологически располагая данные книги. Замысел статьи отражен в ее заголовке: «Вспоминая прошлое и думая о будущем», живя при этом в настоящем.

АМЕРИКА — СТРАНА ПРОГНОЗОВ БУДУЩЕГО

Трудно найти такое количество прогнозов в отношении других обществ, какие имеются в отношении США. Назову только несколько книг из имеющихся в моем распоряжении на английском языке, которые посвящены будущему этой страны или, скорее, истории ее будущего.

Понятие мегатренда впервые прозвучало в книге Дж. Нейсбита «Мегатренды» (Naisbit, 1982). Под мегатрендами Нейсбит понимал крупномасштабные трансформации, меняющие общество. При этом он предупреждал, что нет возможности предсказать будущее в деталях. Его видение мегатрендов связано с представлениями о США как о стране, выстраивающейся снизу вверх, порождающей тренды не на уровне государственной политики, а действиями негосударственных структур.

Будущее США описывается Дж. Нейсбитом как десять мегатрендов, включающих, в первую очередь, переход от индустриального общества к информационному, где новым видом богатства становятся знания и ноу-хау. Далее им отмечается наличие трансформации от форсированных технологий к балансу высоких технологий и душевного комфорта. Третий предлагаемый им мегатренд характеризует переход от национальной экономики к мировой, т. е. трансформацию экономического пространства вследствие глобализации. В результате развертывания четвертого мегатренда, по мнению Нейсбита, произойдет движение от краткосрочного к долгосрочному планированию. Политические изменения отражены в пятом и седьмом мегатрендах, которые фиксируют переход от централизации к децентрализации, а также от репрезентативной демократии к демократии участия. Шестой мегатренд повысит значимость самопомощи за счет уменьшения возможностей институциональной помощи. Восьмой мегатренд характеризует важнейший переход от иерархических к сетевым структурам. Девятый мегатренд предполагает сдвиг возможностей от Севера к Югу. Наконец, десятый мегатренд охватывает трансформацию выбора от «или/или» к множественному выбору.

Несмотря на то что эти мегатренды предложены Нейсбитом в первую очередь для характеристики будущего США в 1982 г., они дают представление об исследовании траектории развития не только Америки, но и других стран и глобализации экономики в целом. Это подтверждается совместной работой Дж. и Д. Нейсбит «Китайские мегатренды. 8 столпов нового общества» (Нейсбит, 2012). В отличие от рациональных прогнозов Нейсбита для США часть из восьми прогнозов («столпов») для Китая, данные супругами Нейсбит, выглядят метафорически: «Освобождение разума»; «Баланс векторов сверху вниз и снизу вверх»; «Высаживание деревьев: пусть растут леса»; «Вброд через реку, нащупывая камни»; «Художественная и интеллектуальная подпитка»; «Присоединение к миру»; «Свобода и справедливость»; «От олимпийского золота к нобелевским премиям». Прогнозирование становится более адекватным специфике стран, говорит о множественности вариантов будущего.

«Каждый, кто думает о будущем, должен прочесть эту книгу», — утверждает лондонская газета Sunday Times на обложке книги Х. Макрая «Мир в 2020. Власть,

культура и процветание» (McRae, 1994). В ней представлена характеристика мирового состояния на текущий момент, обсуждаются силы, изменяющие мир, и дается картина мира, предполагаемая в 2020 г. Это — мультикультурная Америка, которая не повернется к изоляционизму и будет участвовать в решении мировых проблем. В период между 2010 и 2020 гг. этот исследователь прогнозирует России, что она снова станет экономическим гигантом.

В монографии Б. Эммота «20 : 21 видение. Уроки двадцатого века для двадцать первого века» (Emmott, 2003) рассматриваются американское лидерство, китайские амбиции, японская уязвимость, европейская зависть, турбулентность и террор во многих местах планеты. Эммот задается вопросом о состоянии капитализма — непопулярного, нестабильного, неэквивалентного, грязного. Его волнует параноидальный оптимизм, который сохраняется, несмотря на трудности. Его интересует история будущего, содержание которой изменится, даст урок перехода от двадцатого века к веку двадцать первому. Он говорит не только о сегодняшнем контексте, но и о будущем, завтрашнем.

Книга о рождении и развитии глобальных политических и экономических систем, возникших сначала в Британии и затем в Америке, принадлежит В. Р. Миду (Mead, 2007). Он показывает, как родилась культура, адаптированная к капитализму, и как эта адаптация сформировала в Британии и Америке современный мир.

Книга американца Г. Ганса написана отчасти в духе утопии, отчасти в духе реализма и американского идеализма, вызванного предшествующим правлением Буша (Gans, 2008). По мнению автора, жители Америки сумеют трансформировать страну в более гуманную и эффективную демократию. Реализм и американское видение становятся для него хорошим прогнозом для будущего.

Американский политолог и основатель разведывательно-аналитического агентства Stratfor Дж. Фридман в 2009 г. опубликовал известную книгу «Следующие 100 лет. Прогноз на XXI век» (Friedman, 2009). Это сверхамбициозная попытка обозначить предстоящие изменения, носящие в первую очередь геополитический характер. Согласно Фридману, США ожидает новый золотой век во второй половине XXI столетия, а к концу века штатам бросит вызов окрепшая Мексика.

Интересен прогноз Фридмана относительно России, хотя глава, посвященная этому аспекту, заканчивается 2020 г. Проблема российской экономики, по мнению автора, состоит в том, что она на протяжении первых двух деkad XXI в. продолжит сосредотачиваться на природных ресурсах (нефти и газе), что влечет за собой отставание страны в плане технологического развития, являющегося главной перспективой этого века. Фридман отмечает, что около 2010 г. Россия будет сильно недооценена, воспринимаясь на Западе как «изломанная страна со стагнирующей экономикой и слабая с военной точки зрения» (Friedman, 2009: 118). США, показывает Фридман, сначала недооценивают, а потом переоценивают соперников, и к середине 2010-х гг. США снова станут «одержимы» Россией, что приведет к политике ее сдерживания. Российское будущее оценивается им мрачно — страна «сломается» в недалекой перспективе после 2020 г.

От Фридмана, правда, «достается» не только России. К примеру, Китай 2020 г. характеризуется им как «бумажный тигр».

Отметим, что сама идея прогнозирования на 100 лет вперед вряд ли является реалистичной, что приводит автора к ошибочным прогнозам уже к 2020 г.

*О НЕКОТОРЫХ ПРОГНОЗАХ БУДУЩЕГО В ЗАПАДНЫХ КНИГАХ,
ИЗДАННЫХ В РОССИИ*

Одна из первых современных попыток взглянуть на проблему будущего принадлежит американцу Д. Беллу. В 1973 г. в работе «Грядущее постиндустриальное общество», изданной в Америке, он показал формирование экономики услуг при переходе от индустриального общества к постиндустриальному, а также происходящие при этом изменения в знаниях и технологии. В России эта книга была опубликована в 1999 г. и, несмотря на разрыв во времени, произвела глубокое впечатление (Белл, 1999).

П. Кеннеди в своей книге «Вступая в двадцать первый век», изданной в Америке в 1993 г. и опубликованной на русском языке в 1997 г. (Кеннеди, 1997), говорил, что его книга обращена к проблемам будущего после крушения «реального социализма» и окончания холодной войны. Это — футурологическая работа, в которой есть узловые проблемы: судьба национальных государств, Европа и будущее, вступление в XXI в. По мнению Кеннеди, возрождение национализма, вызванное распадом прежних империй, не изменило того факта, что длительный мир между великими державами после 1945 г., когда возглавляемый Америкой блок проводил политику относительно открытой торговли на большей части земного шара, явился толчком для движения торговли, финансов и технологий. Однако надежды И. Канта на то, что со временем «прогресс цивилизации» приведет к заключению всеобъемлющего мирного соглашения, не оправдались. Кеннеди пишет: «Возможно, когда-то это и произойдет; однако ситуация на сегодняшний день дает основание полагать, что до этого нам еще далеко, а прогресс “цивилизации” не поспевает за тенденциями, которые изменяют нашу планету, и бросает вызов традиционным политическим структурам. Более того, силы фундаментализма — частично представляя собой реакцию на глобализацию — наращивают мощь, чтобы повернуть движение вспять, и даже в демократических странах набирают силу националистические и враждебно относящиеся к иностранцам политические движения — все это подрывает долгосрочные шансы “подготовки” к будущему» (там же: 161). Весьма характерно, что для перехода к будущему требуется подготовка или готовность.

В 1995 г. известный американский ученый И. Валлерстайн опубликовал книгу «Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация», изданную в Москве в 2008 г. (Валлерстайн, 2008). Эта книга завершается разделом «Перспективы на будущее», где Валлерстайн пишет: «Капиталистическая цивилизация вступила в свою осень. Осень, как мы знаем, — чудесное время года, по крайней мере, в тех регионах, где родилась капиталистическая цивилизация. После первого цветения весны, после полного богатства лета осенью мы собираем урожай. Однако так же верно, что осенью с деревьев опадают листья. И хотя мы знаем, что в осени есть много приятного, мы знаем и то, что должны готовиться к зимнему морозу, к концу цикла, как и к концу исторической системы» (там же: 159). Подготовка к концу цикла или к концу исторической системы требует размышления о будущем, каким оно предстанет впереди.

В 1997 г. в США была обнародована прогностическая книга Л. К. Туроу, переведенная в 1999 г. в России под заголовком «Будущее капитализма. Как сегодняшние экономические силы формируют завтрашний мир» (Туроу, 1999). Туроу считал, что «причины нынешнего положения заключаются во взаимодействии новых технологий с новыми идеологиями. Это и есть силы, движущие экономическую систему в но-

вом направлении. Вместе они создают новую экономическую игру, где нужны новые стратегии выигрыша» (там же: 11). Но, по его мнению, будущее — это отсутствующая составляющая, и капитализм исключает анализ отдаленного будущего. Несмотря на этот методологический вывод, он все же пишет: «Когда кончится коммунизм, треть человечества и четверть суши, находившиеся под властью этой системы, соединятся со старым капиталистическим миром. То есть кто раньше жил при коммунизме, будут жить в другом мире, с другими критериями успеха и неудачи, а те, кто уже живет при капитализме, увидят, что поглощение этой человеческой и географической массы глубоко изменит их экономический мир» (там же: 17). По мнению Туроу, «землетрясение, покончившее с коммунизмом, обрушило на капиталистический мир 1,9 миллиарда людей» (там же: 56). Туроу показывает, что корысть при капитализме стала добродетелью, хотя в Средние века была худшим из грехов. Он считает, что изменения привели к концу старую социальную систему и произвели несколько новых «плит», на которых стали выстраиваться общества: одна из них — конец коммунизма, который провалился, так как на практике не удалось создать адекватного ему человека и многополярный мир без доминирующей державы. Плита вторая — развитие интеллектуальных технологий. Плита третья — демография, рост, движение, старение населения. Плита четвертая: глобальная экономика. Плита пятая — многополярный мир без доминирующей державы (там же: 56–165).

Вместе с тем будущее таит как новые перспективы, так и угрозы. «В прошлом нас всегда завораживало будущее... Независимо от того, как было предугадано будущее, его власть приковывать и занимать воображение была постоянной особенностью человеческого состояния», — писал в 2000 г. известный шотландский ученый и писатель Д. Уилсон (Уилсон, 2007: 9). Его книга «История будущего» издана в России в 2007 г. В ней он обсуждает проблему будущего как «неапологетически геоцентричную». Уилсон считает: «...в основе... различных представлений будущего лежит общее осознание его решающей важности для настоящего. <...> Так как настоящее превращается в прошлое, предполагаемое будущее возникает как существенная причина того, что становится нашей актуальной историей» (там же: 35). Д. Уилсон полагает: «...предположения о будущем могут изменить настоящее, настроить на лучшее будущее, затрагивающее не только взрослых, но и детей, но могут быть связаны с худшими ожиданиями. В XX веке реакцией против культа прогресса становится тема будущего как предостережения» (там же: 33). Уилсон ссылается на Г. Тарда, который считал, «что будущее, *которого еще нет*, повлияет на настоящее больше, чем прошлое, *которого уже нет*» (там же: 35; курсив источника. — В. Ф.). В настоящее время можно говорить об альтернативности и амбивалентности в трактовке будущего: «...все прошлые портреты будущего — от религиозных и фольклорных до светских и рациональных, от утопических до антиутопических — смешались вместе на сбивающем с толку полотне диссонирующих красок. Мы находимся выше и одновременно ниже видимой гомогенетической внешности, мы содержим в себе множественность и разнообразие и продолжаем противоречить самим себе. И, возможно, это, а не какое-либо единственное, кажущееся важнейшим видение будущего является вечным свойством человеческого состояния. Возможно, в конце концов, Вуди Аллен прав: «Я видел будущее, и оно очень похоже на настоящее, только оно — более растянуто»» (там же: 255).

В 2002 г. в России вышла в свет книга А. Тоффлера «Третья волна», опубликованная в США в 1980 г. Ее много более позднее издание в нашей стране оказалось важ-

ным компонентом в дискуссиях о будущем. Если на Западе эта книга была давно прочитана, российский читатель запоздало получил ее и встроил в актуальные дискуссии о формировании будущего. Автор предисловия к этой книге П. С. Гуревич писал: «Несомненно, в качестве цели, мобилизующей усилия общества, необходим некий образ будущего... его формулировка в категориях, близких к сегодняшним настроениям, учет нынешних ценностей» (Гуревич, 2002: 8).

Прodelав эту работу в отношении своего времени, Тоффлер выдвинул важные гипотезы относительно созидания будущего. Он полагал: «...огромный хор разных прорицателей и прорицательниц наполняет атмосферу своими предсказаниями рокового исхода. <...> Эта книга предлагает совершенно другую точку зрения» (Тоффлер, 2002: 19). Тоффлер выделяет три волны перемен. Первая волна сельскохозяйственной деятельности представляется ему существующей, но уже истратившей свои силы. Вторая — индустриальная волна еще сохраняет свою мощь. С ней связано понятие прогресса. «Скрытый порядок станет видимым, явным, как только мы научимся отличать перемены Третьей волны от изменений, сопутствующих идущей к своему упадку Второй волны» (там же: 44). Мы являемся свидетелями подобной перемены, вызванной переходом к постиндустриальному информационному обществу.

По мнению Ф. Фукуямы, который находился под влиянием Тоффлера, порождаемые технологии являются одной из движущих сил прогресса. «Многие аспекты технологии конца двадцатого столетия, в том числе так называемая информационная революция, весьма способствовали распространению либеральной демократии» (Фукуяма, 2004: 7–8). В цитируемой книге «Наше постчеловеческое будущее. Последствия биотехнологической революции» (издана в США в 2002 г., в России — в 2004 г.) Ф. Фукуяма описывает две антиутопии — Дж. Оруэлла «1984» (первая публикация — 1949 г.) и О. Хаксли «О дивный новый мир» (1932). В первом романе рассказано об устройстве, называемом Телекраном, которое слушает своих подданных и видит их каждое движение. Это предсказание не подтвердилось. В тексте «О дивный новый мир» речь идет о биотехнологической революции. «Цель нашей книги, — сообщает Фукуяма, — утверждение, что Хаксли был прав, что наиболее серьезная угроза, создаваемая современной биотехнологией, — это возможность изменения природы человека и в силу того — перехода к “постчеловеческой” фазе истории... это важно, поскольку человеческая природа существует, и это понятие является существенным. Оно создает стабильную преемственность нашего видового опыта. Человеческая природа формирует и ограничивает все возможные виды политических режимов, и потому технология, достаточно могучая, чтобы изменить нас, может иметь потенциально зловещие последствия для либеральной демократии и самой природы политики...» (там же: 18–19). «Но одна из причин, — писал он, — по которой я далеко не преисполнен оптимизма, заключается в том, что в этой технологии, в отличие от других научных достижений, грань между очевидными преимуществами и вкрадчивым злом провести невозможно» (там же: 19).

В методологическом плане позиция Фукуямы очень интересна. Он писал: «...трудность и рискованность предсказаний развития технологии вошла в поговорку, особенно когда речь идет о понятии существенно более широком, чем генная инженерия. <...> Подобная научная революция приводит к открытиям и прорывам во многих смежных областях... И научное наступление во всех этих областях имеет потенциальные политические последствия, потому что оно расширяет наши знания

о мозге, источнике человеческого поведения, а следовательно — и возможности управлять им» (там же: 34).

Другая книга Фукуямы, опубликованная на Западе в 1999 г. и переведенная в России в 2004 г., называется «Великий разрыв» (Фукуяма, 2004). Он произошел в 1960-е — 1990-е гг. В книге Фукуяма, следуя за Тоффлером, выдвигает теорию слома эпох, разрыва с прежними социальными ценностями и исследует общество периода завершения 1990-х гг., характеризующееся развалом прежнего социального порядка и сменой индустриальной эры информационной. В этой работе продолжена тема будущего, которое, по словам И. Валлерстайна, признает стохастический и не однонаправленный характер (Валлерштейн, 1998: 145).

По мнению Дж. Арриги, старые западные центры капитализма могут не устоять под напором азиатских центров, поскольку последние допускают в будущем нетождественность с понятием «Запад» (Арриги, 2006). При рассмотрении современных (modern) обществ предполагается, что незападные общества тоже вступили в современность, в посттрадиционный порядок, во многом основанный на традиционном знании. Смена терминов открывает перспективу углубления сущностных характеристик западных и незападных обществ, рассмотрения их отношений не только в сегодняшней перспективе, но учитывая будущее незападного мира.

Важную роль в оценке последствий современности играет книга Э. Гидденса «Последствия современности», вышедшая на Западе в 1990 г. и в России в 2011 г. (Гидденс, 2011). Гидденс пишет: «...колесница современности не образует единого целого, и здесь воображение подводит нас, как любой разговор о единственном пути, по которому он движется. Это не машина, отлитая из одного куска металла, но машина, в которой присутствует напряжение, противоречия, подверженность воздействию различных влияний... пересечение отчуждения и знакомства... близости и безличности... экспертизы и присвоения... приватности и вовлеченности» (там же: 280). По мнению Гидденса, «в качестве форм радикальной вовлеченности, обладающей повсеместной важностью в современной социальной жизни, социальные движения снабжают определенными ориентирами потенциальные будущие трансформации» (там же: 22–23).

Согласно Э. Гидденсу, мы живем в период высшей или поздней современности. По его мнению, можно говорить о постсовременности не только как о культуре, но как о новом институциональном порядке, который будет реализован в будущем. Гидденс считал, что посткапиталистические (постсовременные) общества будут скоординированы на глобальном уровне. Постсовременность у Гидденса — это теоретический конструкт, возникший в ответ на обнаруженные недостатки капитализма (современности), а также в ответ на трудности большинства незападных стран достичь современности. Позже Гидденс пришел к мысли, что «постсовременность — это не что иное, как новая современность, в которую вступает Запад» (см.: Федотова, 2005: 253).

Представляет интерес книга француза Ж. Аттали «Краткая история будущего. Мир в ближайшие 50 лет» (Аттали, 2014), в которой автор предчувствует трудности будущего, а также сконцентрированное напряжение в XXI в., связанное с борьбой за ресурсы и мировое господство. Он описывает очень долгую историю кочевничества, каннибализма и сексуальности, ритуалов и перехода на оседлый образ жизни, время империй, дает краткую историю капитализма, начинающуюся, с его точки зрения, с греко-иудейского идеала, формирования ярмарок в городах и нациях.

Первые шаги рыночного уклада он находит в Брюгге (1200–1350), за ним следует завоевание Востока Венецией (1300–1500). Антверпен характеризуется временем книгопечатания (1500–1560), Генуя (1560–1620) — искусством спекуляций. Амстердам (1620–1788) становится центром продаж и, как показывает Ж. Аттали, ремонта кораблей. «Протестантизм освобождает людей от чувства вины по отношению к богатству: церковь больше не монополизирует человеческую судьбу. Развивается насыщенная общественная и интеллектуальная жизнь, научные сообщества свободно обмениваются идеями, известные университеты принимают иностранцев. В 1650 году Барух Спиноза осмеливается заявить о мире, где Бог растворен в природе и не навязывает никаких правил свободным и одиноким людям» (там же: 71).

Лондон, как показывает Аттали, знакомится с силой пара, Бостон — с машинным бумом, Нью-Йорк — с триумфом электричества, Лос-Анжелес — с калифорнийским номадизмом. «Описание будущего философами, артистами, юристами, учеными, экономистами, социологами, романистами, футурологами напоминало наивное продолжение истории их настоящего» (там же). Прошлое сообщает нам и некоторые приметы не только настоящего, но и будущего. Последнее, согласно Аттали, позволяет заниматься продвижением технологии будущего; формировать справедливое общество; повысить эффективность рынка; способствовать развитию сфер, улучшающих благосостояние населения; создавать, привлекать и удерживать креативный класс; укрепить влияние и суверенитет; способствовать рождению гипердемократии.

К новым тенденциям глобального капитализма относится, как показывает британский политический теоретик Н. Срничек, «платформенный капитализм», сформировавшийся в результате трансформации компаний в платформы, т. е. цифровые инфраструктуры, выступающие посредниками между различными пользователями (Срничек, 2019).

«На фоне длительного снижения уровня прибыльности в промышленности капитализм развернулся к данным, ища теперь в них источник экономического роста и жизнестойкости... Появилась новая бизнес-модель — платформа, способная извлекать и контролировать огромное количество данных; и на этой волне мы наблюдаем подъем крупных монополистов. Сегодняшний капитализм в странах с высокими и средними доходами все более им подчинен... *тренд будет лишь усиливаться*» (там же: 11; курсив наш — В. Ф.).

Срничек выделяет такие виды платформ, как рекламные, облачные, индустриальные, продуктовые, бережливые (к ним относятся, например, Google, App Store, Facebook, Amazon, Yandex, Uber и др). Платформы становятся базой для экономики совместного потребления, которая набирает обороты (чаще всего речь идет об аренде машин и домов).

БУДУЩЕЕ В КОНЦЕПЦИИ ХОРОШЕГО ОБЩЕСТВА

В России в 2005 г. вышла моя книга «Хорошее общество» (Федотова, 2005), получившая первое место на конкурсе изданных в том году книг в Институте философии РАН. В ней уделено существенное внимание будущему.

Книга с одноименным названием была опубликована американцами Р. Беллой, Р. Мадсенем, В. М. Салливаном, А. Свидлером, С. М. Типтоном (Bellah et al, 1992). Это была экстраординарная книга для своего времени, посвященная институтам Америки, подъему и падению американского века, политической экономии, рынку

и труду; правительству, политике, закону; образованию — техническому и моральному; публичной церкви; Америке в мире. Заключительные параграфы этой книги весьма интересны: демократия означает необходимость внимания к проблемам и людям. К книге прилагается параграф об институтах в социологии и публичной философии. На обороте книги написано: «*Хорошее общество* напоминает нам, что мы являемся институтами, и показывает нам, как играть в нем активную роль и дальше». Будущее настолько завораживало Америку, что на обложку книги вынесен тезис «Хорошее общество пришло в критический момент».

Моя книга о хорошем обществе во многом ставит вопрос о будущем для нас. Мною рассмотрены ценностные изменения на Западе и в России, предпосылки и препятствия цивилизованного капитализма, ценности развития и теории модернизации, предложены соображения о конце модели идеального общества и стремлении к построению хорошего общества, о модернизации и глобализации, об отказе от прежних идеализаций: неклассической модернизации и ее альтернативе; российском будущем и выборе модели развития; социальном конструировании реальности. Не контролируя своего настоящего, человек не может представлять или планировать будущее и ясно осознавать свое прошлое. Он не мог бы, с другой стороны, точно прогнозировать из 2005 г., каким будет мир в 2020 г. Будущее зависит от людей, но они предпочитают указывать на его желательные сценарии в то время, когда как раз нежелательные набирают силу. Одна из выдвинутых И. Кантом предпосылок вечного мира — формирование всемирного гражданства, единства человечества — все еще не выполнена, хотя единство человечества поэтапно завоевывалось капитализмом, модернизацией и глобализацией, одновременно переживая откаты назад из-за различия культур.

Повседневная реальность, согласно М. Веберу, является непроблематизируемой. Ее конструирование, как считают П. Бергер и Н. Лукман, осуществляется *четырьмя* способами (Бергер, Лукман, 1995). Первый из них — *эмпирический*, формирующий черты общества, наиболее приемлемого для жизни. За ним следует *нормативный аспект*, который отвечает на вопрос, что такое «хорошее» или о понятии блага. Теоретический аспект — *хабитуализация* означает опривычивание (термин, близкий к тому, что М. Вебер называл *рутинизацией*). П. Бергера и Н. Лукмана интересовало, как харизматические идеи, идеи немногих превращаются в обычный рутинный порядок вещей. Эта методология позволяет сконструировать желаемые черты общества будущего.

Нас интересует в данном параграфе видение будущего через концепцию хорошего общества. Не понимая и не контролируя своего настоящего, люди не могут знать или планировать будущее, равно как не могут знать и свое прошлое. Им мешает синдром недоверия, страх перед будущим, идеализация прошлого, апатия. Но синдром недоверия после 1989 г. во многом ослаб под напором тенденции роста доверия в обществе к демократии и рынку.

Будущее зависит от людей, ищущих его желательные сценарии, но наряду с этим имеются опасные или нежелательные пути, которые не были предвидены и предотвращены.

Книга «Хорошее общество» завершается выделением эмпирического аспекта (чертами общества, наиболее приемлемого для жизни); нормативного аспекта (что такое «хорошее» или понятием блага); теоретического аспекта (хорошее общество и права человека; преодоление разрыва свободы и блага). На этой основе могут

строиться сценарии российского будущего как отражение того, какой мы хотим видеть Россию. Но и желаемое имеет свои риски, которым мы можем не суметь противостоять.

Представления о будущем хорошего общества имеют вариативный характер, зависящий от социокультурных условий. Одним из подобных вариантов, к примеру, выступает идея устойчивой современности, которую выдвигают сегодня скандинавские авторы Н. Витошек и А. Мидтун. Они полагают, что начинается третья стадия скандинавской современности, при которой этика хорошего общества соединится с «эко-современностью», т. е. со стремлением ответить на вызовы окружающей среды и меняющегося климата (Sustainable Modernity, 2018: 2).

ПРОБЛЕМА БУДУЩЕГО В РАБОТАХ РОССИЙСКИХ АВТОРОВ

Другой книгой, получившей первое место на конкурсе ИФ РАН в 2008 г., в которой рассматриваются проблемы будущего, является работа В. Г. Федотовой, В. А. Колпакова, Н. Н. Федотовой «Глобальный капитализм: три великие трансформации. Социально-философский анализ взаимоотношений экономики и общества» (Федотова, Колпаков, Федотова, 2008). По мнению авторов, наступило новое Новое время для незападных стран как новый мегатренд. В данной работе продолжена тема будущего, которая, как мы уже отметили выше, по словам И. Валлерстайна, имеет стохастический и не однонаправленный характер (Валлерштейн, 1998: 145).

Проблемам будущего посвящен ряд книг профессора А. Уткина. Так, в книге «Глобализация: процесс и осмысление» он пишет: «Не будем впадать в крайность. Более внушительным, чем плакаты жертв глобализации, аргументом в пользу продолжения этого процесса является тот факт, что, несмотря на финансовый кризис 1997–1998 гг., государства мира не сосредоточились на сугубо внутренних проблемах, а продолжили движение к некой мировой экономике, к интеграции в максимально широкий рынок. Но неизбежно возникает (и остается. — В. Ф.) вопрос другой стороны: согласится ли мировое большинство в обмен на обещанную стабильность и долю участия в мировом прогрессе отдать ключи от национальной судьбы странам-лидерам» (Уткин, 2001: 97). В книге 2002 г. «Мировой порядок XXI века» А. И. Уткин показывает, что уже тогда встал вопрос о прогрессивной общечеловеческой цивилизации, в которой будет ориентация не на прошлое, а на будущее, на основе работы и достижений; где бережливость станет основой инвестиций; образование — ключом к прогрессу; личные достижения превзойдут семейно-клановые связи (Уткин, 2002). Во многих других книгах А. И. Уткина вызов XXI в. предстает как постиндустриальный, информационный, но нельзя исключить, что и другие проблемы будут стоять перед ним (Уткин, 2011). Можно предположить, что возникнут проблемы незападной глобализации (исламской или конфуцианской), ослабления Запада, конфликта цивилизаций (С. Хантингтон), раскола близкородственных народов и др.

В 2009 г. была издана книга С. Переслегина и его исследовательской группы «Новые карты будущего, или Анти-рэнд» (Переслегин, 2009). Имеются в виду прогнозы, не совпадающие с прогнозами RAND Corporation¹. Прогнозы в России были осуществлены двумя исследовательскими группами, одна из которых «Конструирование будущего», а вторая — «Санкт-Петербургская школа сценирования». Группы ставили своей задачей анализ возможных изменений до 2050 г.: «...нарисовать карту

того реального Будущего, которое не может быть вписано в общепринятое понимание “продолжающегося настоящего”, характерное для иностранных технологических форсайтов... Основной предложенной методологической инновацией является переход от формального анализа перспективных исследований и естественных трендов к их проектной пересборке» (там же: 12). Однако идея обгона рэнд-корпорейшн оказалась несколько преждевременной и неосуществленной.

Существенный вклад в рассмотрение проблемы будущего сделан Н. С. Розовым в его работе «Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке» (Розов, 2011). Он пишет: «*Колея* является не просто метафорой и удачным аналогом *наукообразного эффекта зависимости от траектории предшествующего развития* (the path dependence effect), но и неплохой смысловой моделью циклической динамики истории России. Каждый цикл — прохождение по той же колее — делает ее глубже, после чего выбраться из нее становится труднее... Эти факторы дополняются низкой способностью к горизонтальным переговорам, компромиссам и самоорганизации, общей тягой к закрытости, уходом от внешнего контроля со стороны “чужих” и представления предпочтений лояльным “своим”» (Розов, 2011: 621–622; курсив источника. — В. Ф.).

Будущее здесь связывается с «преодолением этих повторных движений, выражением здоровой и динамично развивающейся социальной и экономической систем, модернизацией управления и союзами с западными модернизированными странами» (там же: 617). Итак, будущее России, ее «политика достоинства и величия... — это внутренние институциональные преобразования, рост мирового престижа в международном правовом порядке, подъем в миросистемной геоэкономической иерархии, совместная с Европой цивилизаторская миссия, наращивание культурной привлекательности» (там же: 618).

НОВЫЕ МЕГАТРЕНДЫ КАК ПРОГНОЗЫ БУДУЩЕГО

Занимающийся прогнозированием будущего С. Хайкович, исследователь из Австралии, выделяет семь мегатрендов, которые будут движущими силами глобальных трансформаций (Najkowicz, 2015). Понимая под мегатрендами значимые траектории социальных, экономических, технологических и экологических изменений в ближайшие десятилетия, он уточняет, что формат развития мегатрендов не линейен. Они проявляют себя в начале постепенно, приобретая взрывной характер по ходу разветвления мегатренда.

В духе Дж. Нейсбита автор книги называет мегатренды метафорически. Первый мегатренд получил название «Больше из меньшего». Дефицит ресурсов, отмечает автор, продолжает быть основополагающей темой при прогнозировании будущего. Рост населения и экономический рост будут и впредь оказывать все большее давление на ограниченные продовольственные, водные, энергетические и минеральные ресурсы. Нехватка ресурсов может стать причиной вооруженных конфликтов и геополитической дестабилизации. В связи с этим поиск способов решения проблемы дефицита ресурсов становится основополагающей задачей, без которой нельзя подступиться к социальным и экологическим проблемам, обозначенным в последующих мегатрендах.

Второй мегатренд — «Уходит, уходит... ушло?» — призван охарактеризовать серьезные проблемы, стоящие перед утерей мирового биоразнообразия. Многие виды растений, животных и экосистем сталкиваются с беспрецедентным давлением на

них и находятся на грани исчезновения. Тренд в целом показывает рост озабоченности мировой общественности вопросами окружающей среды.

Третий мегатренд — «Шелковый путь» — имеет отношение к повышению значимости азиатского региона и развивающегося мира в глобальной экономике. Быстрый экономический рост и урбанизация развивающегося мира в ближайшие десятилетия приведут, как отмечает автор книги, к реструктуризации мировой экономики и изменению моделей образа жизни.

Четвертый мегатренд также имеет отношение к образу жизни и назван «Вечно молодой». Этот мегатренд отражает старение населения, увеличение продолжительности жизни, рост хронических заболеваний и повышенный риск инфекционных заболеваний в современном мобильном мире. Старение населения, сопровождающееся увеличением продолжительности жизни, будет характерно как для богатых, так и для бедных стран. Эти изменения скажутся на занятости и пенсионном обеспечении, поскольку меньшему числу работающих людей надо будет финансово поддерживать большее число людей, находящихся на пенсии. Да и в целом будущие поколения могут провести большую часть своей жизни на пенсии, а не на работе. В сочетании со стареющим населением рост хронических заболеваний и заболеваний, связанных с образом жизни, приведет к увеличению трат на здравоохранение. Возрастут и риски инфекционных заболеваний, связанные с ростом бактерий, устойчивых к лекарствам, а также с повышенной мобильностью людей. Чтобы оставаться «вечно молодым» или, по крайней мере, здоровым в условиях увеличивающейся продолжительности жизни, потребуются серьезные инновации в моделях здравоохранения и рынка труда, предупреждает автор.

Пятый мегатренд называется «Виртуально здесь». Информационные технологии уже изменили образ жизни, работу и досуг людей. Однако предстоящие десятилетия и даже столетие будут связаны с глубокими изменениями бизнес-моделей, информационных потоков и взаимодействия людей. Большая часть товаров для потребителей будет продаваться в Интернете, а доставка станет более sofisticной. Офисные помещения станут более ориентированными на взаимодействие между людьми, занятыми на удаленной работе. Многие виды работ в горнодобывающей, оборонной, авиационной, логистической, административной и транспортной сферах исчезнут, рост автоматизированных систем перестроит рынки труда и изменит образ жизни людей. Взаимодействие между людьми и устройствами будет усиливаться, однако следующий — шестой — тренд, как показывает автор, задаст некоторые пределы новому цифровому миру.

Шестой мегатренд — «Великие ожидания» — связан с ростом потребности общества не в материальных товарах, а в опыте экзистенции, проявлением которого станет стремление к подлинности, дружелюбности и персонализации. Сдвиг в сторону ожиданий, связанных с новыми формами опыта, выступит следствием роста доходов, который позволит людям инвестировать в «опыт более высокого порядка». В цифровом мире люди будут стремиться к опыту социального взаимодействия, эмоциональной глубины и подлинных переживаний, связанных, к примеру, с дружеским общением и наслаждением природой. Подобные изменения можно охарактеризовать как сопротивление цифровизации и гаджетам, которое вызвано усталостью от передовых информационных технологий.

Последний мегатренд «Инновационный императив» связан с ускорением технического прогресса и значимостью инноваций. Исследователь отмечает становление

регенеративной медицины, которая может значительно продлить жизнь людей; будущие достижения в системах накопления энергии; рост роботизированных систем; а также продолжающееся развитие информационного общества.

Автор прогноза подчеркивает, что изменения, привносимые мегатрендами, находятся вне нашего прямого контроля, но испытывают на себе влияние наших действий. В этом, на наш взгляд, сосредоточен потенциал для социального конструирования будущего.

С подобными прогнозами, обозначенными на уровне мегатрендов, сложно не согласиться, поскольку они определены достаточно широко, кроме того, не содержат избыточных детализаций.

ЕЩЕ РАЗ О МЕТОДОЛОГИИ ИЗУЧЕНИЯ БУДУЩЕГО

В ряде рассмотренных в данной статье источников и во многих других использовалась метафора «история будущего», часто представленная как часть заголовка или подзаголовка. Мы, однако, полагаем, что это имеет отношение к методологии изучения будущего, включающего отношение к нему. При этом речь вряд ли идет о некоей единой концептуальной схеме. Скорее она распадается на ряд подходов, которые мы попытаемся определить. Во-первых, подходы с позиций «истории будущего» предполагают экстраполяцию имеющихся или намечающихся тенденций на будущее, что в определенной мере находит отражение при описании мегатрендов. Во-вторых, они могут символизировать резкий разрыв с прошлым и настоящим, новые трансформации. А. К. Туроу, например, полагал: «...проецировать нынешние тенденции в будущее всегда опасно. Такое проецирование не предвидит поворотов в ходе человеческих дел» (Туроу, 1999: 11). В-третьих, «предостережения о будущем могут положительным образом изменить настоящее (которое для будущего выступает прошлым. — В. Ф.), вскрывая возможности изменения самого будущего» (Уилсон, 2007: 38). В-четвертых, возможна комбинация подходов, предполагающих, например, как экстраполяцию тенденций, так и варианты будущего. Она приводит к комбинации подходов к совершенно новым проекциям и означает разрывы с существующим прошлым и настоящим. В-пятых, в более частном случае подобные подходы характеризуют высокие ожидания от будущего (чаще всего страны) в связи с ее великим прошлым, т. е. ситуацию, при которой будущее представляется как минимум адекватным прошлым достижениям, а «эпическое» прошлое превращается в регулятив будущего.

Будущее во многом нелинейно, вариантов будущего много, и они не одинаковы для разных обществ и социальных групп. На будущее предпочтительно сегодня смотреть во множественном числе, как на присущее миру разнообразие. Будущие события многообразны, дискурсивны, чаще всего непредвидимы, непредставимы, неузнаваемы. Возможно, **единственное, что мы можем определенно сказать о будущем, это — не предсказать его, а предположить, какого будущего мы хотим.**

Мы, как социальные теоретики, зависим от достижений естественных больше, чем от чего бы то ни было другого. Бурное развитие естественных наук делает судьбу прогнозов относительной, зависящей от технических достижений. Кроме того, демографические процессы, войны, катастрофы, климатические изменения, политические и этические различия могут изменить мир так, как мы не можем себе даже представить и тем более предсказать.

На наш взгляд, при всем многообразии подходов к изучению будущего в качестве новых и работающих можно выделить два: **мегатренды** и **истории будущего**. Наш прогноз состоит в том, что история будущего превратится в истории будущего из-за многообразия культур и альтернативных сценариев и из-за многообразия мегатрендов, которые будут по-разному преломляться в различных регионах. Речь идет о многих будущих, вызванных разнообразным разворачиванием глобальных мегатрендов в региональных, национальных и локальных социальных, экономических, политических и культурных контекстах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Общее будущее, каким оно представлялось при господстве идеи прогресса, уступает место множественным проектам будущего, которые гораздо менее гармоничны, более хаотичны. Время чрезвычайно быстрых перемен характеризуют конец XX в. и близлежащие десятилетия. Вера в благотворительный эффект рационального реформизма, реализуемого не всегда быстро, но в нужном направлении, уступает место определенному скептицизму относительно самого направления мировой эволюции. Соответственно, прогнозирование будущего становится гораздо более трезвым, если не сказать — мрачным, более сценарным, чем более определенным.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Известный американский аналитический центр, занимающийся стратегическими исследованиями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арриги, Д. (2006) Долгий двадцатый век: деньги, власть и истоки нашего времени. М. : Территория будущего. 470 с.
- Аттали, Ж. (2014) Краткая история будущего. СПб. : Питер. 288 с.
- Белл, Д. (1999) Грядущее постиндустриальное общество. М. : Academia. 783 с.
- Бергер, П., Лукман, Т. (1995) Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М. : Медиум. 323 с.
- Валлерстайн, И. (2008) Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация. М. : Товарищество научных изданий КМК. 176 с.
- Валлерштейн, И. (1998) Анализ мировых систем: современное системное видение мирового сообщества // Социология на пороге XXI века: Новые направления исследований / под ред. С. И. Григорьева, Ж. Кознен-Хуттера. М. : Интеллект. 272 с. С. 144–163.
- Гидденс, Э. (2011) Последствия современности. М. : Праксис. 352 с.
- Гуревич, П. С. (2002) А волны истории плещут... (Новая конфигурация будущего) // Тоффлер, Э. Третья волна. М. : АСТ. 776 с. С. 5–18.
- Кеннеди, П. (1997) Вступая в двадцать первый век. М. : Весь мир. 480 с.
- Нейсбит, Дж., Нейсбит, Д. (2012) Китайские мегатренды: Восемь столпов нового общества. М. : Астрель. 315 с.
- Переслегин, С. (2009) Новые карты будущего, или Анти-Рэнд. М. : АСТ. 701 с.
- Розов, Н. С. (2011) Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке. М. : РОССПЭН. 735 с.
- Срничек, Н. (2019) Капитализм платформ. М. : ВШЭ. 128 с.
- Тоффлер, Э. (2002) Третья волна. М. : АСТ. 776 с.
- Туруо, Л. (1999) Будущее капитализма. Как сегодняшние экономические силы формируют завтрашний мир. Новосибирск : Сибирский хронограф. 432 с.
- Уилсон, Д. (2007) История будущего. М. : АСТ ; АСТ Москва ; Хранитель. 286 с.

- Уткин, А. И. (2001) Глобализация: Процесс и осмысление. М. : Логос. 253 с.
- Уткин, А. И. (2002) Мировой порядок XXI века. М. : Эксмо ; Алгоритм. 473 с.
- Уткин, А. И. (2011) XXI век. М. : Институт экономических стратегий ; Международная академия исследований будущего. 352 с.
- Федотова, В. Г. (2005) Хорошее общество. М. : Прогресс-Традиция. 544 с.
- Федотова, В. Г., Колпаков, В. А., Федотова, Н. Н. (2008) Глобальный капитализм: три великие трансформации. Социально-философский анализ взаимоотношений экономики и общества. М. : Культурная революция. 608 с.
- Фукуяма, Ф. (2004) Великий разрыв. М. : АСТ: НПП «Ермак». 474 с.
- Фукуяма, Ф. (2004) Наше постчеловеческое будущее. Последствия биотехнологической революции. М. : АСТ. 349 с.
- Хабермас, Ю. (1992) Модерн — незавершенный проект // Вопросы философии. №4. С. 40–52.
- Bellah, R. N., Madsen, R., Sullivan, W. M. et al. (1992) The Good Society. N. Y. : Vintage Books. 347 p.
- Emmott, B. (2003) 20 : 21 Vision. Twentieth-Century Lessons for the Twenty-first Century. N. Y. : Farrar, Straus and Giroux. 373 p.
- Friedman, G. (2009) The Next 100 Years: A Forecast for the 21st Century. N. Y. ; L. : DOUBLEDAY. 255 p.
- Gans, H. J. (2008) Imaging America in 2033. How the Country Put Itself Together after Bush. A Utopian Narrative. Ann Arbor : The University of Michigan Press. 210 p.
- Hajkowicz, S. (2015) Global megatrends: seven patterns of change shaping our future. Clayton South : CSIRO Publishing. 218 p.
- McRae, H. (1994) The World in 2020. Power, Culture and Prosperity. Boston : Harvard Business School Press. 302 p.
- Mead, W. R. (2007) God and Gold. Britain, America, and the Making of the Modern World. N. Y. : Alfred A. Knopf. 449 p.
- Naisbit, J. (1982) Megatrends. Ten New Directions Transforming Our Lives. N. Y. : Warner books. 333 c.
- Witoszek, N., Midttun, A. (2018) Sustainable modernity and the architecture of the “well-being society”: interdisciplinary perspectives // Sustainable Modernity: The Nordic Model and Beyond. Ed. by N. Witoszek, A. Midttun. Abingdon, N. Y. : Routledge. 242 p. Pp. 1–17.

Дата поступления: 10.12.2019 г.

REMINISCING ABOUT THE PAST
AND THINKING ABOUT THE FUTURE

V. G. FEDOTOVA

RAS INSTITUTE OF PHILOSOPHY

The paper considers several concepts of the future organized chronologically and therefore taking on new features of succession or break with the past. The author discusses changing trends in the image of the future in the late 20th century and the early 21st century in order to understand today's developments. She analyses several western and Russian scientific forecasts of the future, the future within the concepts of good society, the new megatrends of the future.

The paper is also dedicated to some aspects of forecasting methodology. The author concludes that there exist a lot of variants of the future and they are not similar for different communities and social groups. Today, the future had better be considered plural, as a diversity inherent in the world. Future events are multifarious, discursive, unimaginable, incognisable. The only thing that we can definitely say about the future is not to predict it but think what future we want.

According to the author, with all the diverse approaches to studying the future, only two can be singled out as the newest and operative: megatrends and the history of the future. Our prognosis has it that the history of the future will transform into histories of the future due to the diversity of cul-

tures and alternative scenarios, and also due to the diversity of megatrends which will refract differently in different regions.

Keywords: future; present; past; Russia; USA; good society; megatrend; history of the future

REFERENCES

- Arrigi, D. (2006) *Dolgie dvadtsaty vek: den'gi, vlast' i istoki nashego vremeni*. Moscow, Territoria budushchego. 470 p. (In Russ.).
- Attali, Zh. (2014) *Kratkaia istoriia budushchego*. St. Petersburg, Piter. 288 p. (In Russ.).
- Bell, D. (1999) *Griadushchee postindustrial'noe obschestvo*. Moscow, Academia. 783 p. (In Russ.).
- Berger, P. and Lukman, T. (1995) *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniia*. Moscow, Medium. 323 p. (In Russ.).
- Vallerstain, I. (2008) *Istoricheskii kapitalizm. Kapitalisticheskaia tsivilizatsiia*. Moscow, Tovarishchestvo nauchnykh izdaniy KMK. 176 p. (In Russ.).
- Vallershtein, I. (1998) Analiz mirovykh sistem: sovremennoe sistemnoe videnie mirovogo obshchestva. In: *Sotsiologiya na poroge XXI veka: Novye napravleniya issledovaniy* / ed. by S. I. Grigor'eva and Zh. Koenen-Khuttera. Moscow, Intellect. 272 p. Pp. 144–163. (In Russ.).
- Giddens, E. (2011) *Posledstviia sovremennosti*. Moscow, Praksis. 352 p. (In Russ.).
- Gurevich, P. S. (2002) A volny istorii pleshchut... (Novaia konfiguratsiia budushchego). In: Toffler, E. *Tret'ia volna*. Moscow, AST. 776 p. Pp. 5–18. (In Russ.).
- Kennedi, P. (1997) *Vstupaiia v dvadtsat' pervyi vek*. Moscow, Ves' mir. 480 p. (In Russ.).
- Neisbit, Dzh. and Neisbit, D. (2012) *Kitaiskie megatrendy: Vosem' stolpov novogo obshchestva*. Moscow, Astrel'. 315 p. (In Russ.).
- Pereslegin, S. (2009) *Novye karty budushchego, ili Anti-Rend*. Moscow, AST. 701 p. (In Russ.).
- Rozov, N. S. (2011) *Koleia i pereval: makrosotsiologicheskie osnovaniia strategii Rossii v XXI veke*. Moscow, ROSSPEN. 735 p. (In Russ.).
- Srnichek, N. (2019) *Kapitalizm platform*. Moscow, VShE. 128 p. (In Russ.).
- Toffler, E. (2002) *Tret'ia volna*. Moscow, AST. 776 p. (In Russ.).
- Turou, L. (1999) *Budushchee kapitalizma. Kak segodniashnie ekonomicheskie sily formiruiut zavtrashnii mir*. Novosibirsk, Sibirskii khronograf. 432 p. (In Russ.).
- Uilson, D. (2007) *Istoriia budushchego*. Moscow, AST; AST Moskva; Khranitel'. 286 p. (In Russ.).
- Utkin, A. I. (2001) *Globalizatsiia: Protsess i osmyslenie*. Moscow, Logos. 253 p. (In Russ.).
- Utkin, A. I. (2002) *Mirovoi poriadok XXI veka*. Moscow, Eksmo ; Algoritm. 473 p. (In Russ.).
- Utkin, A. I. (2011) *XXI vek*. Moscow, Institut ekonomicheskikh strategii; Mezhdunarodnaia akademiia issledovaniy budushchego. 352 p. (In Russ.).
- Fedotova, V. G. (2005) *Khoroshee obshchestvo*. Moscow, Progress-Traditsiia. 544 p. (In Russ.).
- Fedotova, V. G., Kolpakov, V. A. and Fedotova, N. N. (2008) *Global'nyi kapitalizm: tri velikie transformatsii. Sotsial'no-filosofskii analiz vzaimootnoshenii ekonomiki i obshchestva*. Moscow, Kul'turnaia revoliutsiia. 608 p. (In Russ.).
- Fukuiama, F. (2004) *Velikii razryv*. Moscow, ACT; NPP «Ermak». 474 p. (In Russ.).
- Fukuiama, F. (2004) *Nashe postchelovecheskoe budushchee. Posledstviia biotekhnologicheskoi revoliutsii*. Moscow, AST. 349 p. (In Russ.).
- Khabermas, Ju. (1992) Modern — nezavershennyi proekt. *Voprosy filosofii*, no. 4, pp. 40–52. (In Russ.).
- Bellah, R. N., Madsen, R., Sullivan, W. M. et al. (1992) *The Good Society*. N. Y., Vintage Books. 347 p.
- Emmott, V. (2003) *20 : 21 Vision. Twentieth-Sentury Lessons for the Twenty-first Century*. N. Y. : Farrar, Straus and Giroux. 373 p.
- Friedman, G. (2009) *The Next 100 Years: A Forecast for the 21st Century*. N. Y. ; L., DOUBLEDAY. 255 p.
- Gans, H. J. (2008) *Imaging America in 2033. How the Country Put Itself Together after Bush. A Utopian Narrative*. Ann Arbor, The University of Michigan Press. 210 p.

Hajkowicz, S. (2015) *Global megatrends: seven patterns of change shaping our future*. Clayton South, CSIRO Publishing. 218 p.

McRae, N. (1994) *The World in 2020. Power, Culture and Prosperity*. Voston, Harvard Business School Press. 302 p.

Mead, W. R. (2007) *God and Gold. Britain, America, and the Making of the Modern World*. N. Y., Alfred A. Knopf. 449 p.

Naisbit, J. (1982) *Megatrends. Ten New Directions Transforming Our Lives*. N. Y., Warner books. 333 s.

Witoszek, N. and Midttun, A. (2018) Sustainable modernity and the architecture of the “well-being society”: interdisciplinary perspectives. In: *Sustainable Modernity: The Nordic Model and Beyond*. Ed. by N. Witoszek, A. Midttun. Abingdon, N. Y., Routledge. 242 p. Pp. 1–17.

Submission date: 10.12.2019.

Федотова Валентина Гавриловна — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник сектора социальной философии, руководитель научного семинара «Социальная философия и развитие гражданского общества в России» Института философии РАН. Адрес: 109240, Россия, г. Москва, ул. Гончарная 12, стр. 1. Тел.: +7 (495) 697-98-93. Эл. адрес: val_fedotova@mail.ru

Fedotova Valentina Gavrilovna, Doctor of Philosophy, Professor, Principal Research Fellow, Sector of Social Philosophy, Head, Research Seminar “Social Philosophy and the Development of Civil Society in Russia”, RAS Institute of Philosophy. Postal address: 12, Bldg. 1, Goncharnaya St., Moscow, Russian Federation, 109240. Tel.: +7 (495) 697-98-93. Email: val_fedotova@mail.ru

DOI: 10.17805/zpu.2020.1.3

Феномен позднего капитализма

Г. Ю. КАНАРШ

Институт философии РАН

В статье исследуется феномен позднего капитализма. Поздний капитализм рассматривается как форма капиталистического производства, которая пришла на смену развитым формам капитализма 1950-х — 1960-х гг. Иначе данный переход именуется переходом от фордизма к постфордизму.

Фордизм определяется как социально-экономическая система, возникшая в послевоенный период на Западе (США и Западная Европа) и типичными особенностями которой были массовое производство в рамках крупной вертикально интегрированной корпорации, а также создание соответствующих стабильных массовых рынков. В противоположность фордизму постфордизм представляет собой систему, которая сформировалась в условиях начавшейся глобализации и отражала в значительной мере как изменения на глобальных рынках, так и собственные внутренние противоречия фордизма.

Последовательно рассматривается сначала становление фордистской системы (производственный и социальный проект Форда и послевоенный «фордистский компромисс»), а затем становление постфордистской системы. Особенности последней раскрываются на примере известной концепции американских авторов М. Пиоре и Ч. Сабеля. Также на материале концепции французских исследователей Л. Болтански и Э. Кьяпелло рассматривается идеология современного (позднего) капитализма. Для того чтобы показать